

Олег Слободчиков

Байсаурская бестия.

Рассказ (доработан, редакция – янв 2008)

Как-то во время отпуска, проведенного в горах у знакомого охотника, мне пришлось прочитать подборку замусоленных журналов и книг о волке. Погода, помнится, не баловала, рыбалки не было, лес заливало дождями - какие уж тут грибы! Я топил печь бревенчатой хибары, брошенной много лет назад лесорубами, доедал сухари с остатками крупы, валялся на нарах и читал. Читиво, надо сказать, было подобрано не для развлечения. За неделю одиночества в мрачном, заваленном сырым буреломом ущелье, я узнал о волках больше, чем за всю прежнюю жизнь. Информации для размышления хватало. Вкупе с непогодью она наводила на отвлеченные философские обобщения.

Но вот, благополучно миновав оползни, осыпи и завалы, на двух завьюченных совхозных лошадях к избушке пробился мой товарищ Алик-Волчатник. Под такой кличкой его знала вся округа: бичи, травники, пастухи и прочий горно-таежный сброд. Заправленная керосином после чадающей солярки ярче засветила лампа. Зашипела маслом сковорода и дух свежего хлеба потек по промозглому ущелью.

- Читаешь? - кивнул Алик на разбросанные по нарам журналы. Глаза его насмешливо блеснули и сузились в щелки, выдавая забытую примесь азиатской крови. - Всему не верь. Если в них есть правда – то только наполовину. Уж по волкам-то я на третий юношеский разряд тяну.

- Отчего так? – я суетливо принялся наводить порядок в зимовье: - Спецы перевелись или лирики одолели?

Алик глянул на меня удивленно, видно толком не понял сказанного, но ответил разумно:

- Все понятно тому, кто ничего не знает. Они и пишут. – Он опять кивнул на подборку журналов, которым я все еще не находил места и держал в руках. - Кто рядом с волками пожил, тот знает, что ничего не понимает... Чтобы понять волка, надо побывать в его шкуре!

Выдубленные ветрами, выжженные солнцем ранние морщины посекали самодовольно улыбающееся лицо охотника. Похоже, даже его, известного волчатника, одолевали те же мысли, что и меня.

- А что тогда так много пишут? – проворчал я, заталкивая стопку журналов под нары. – Одни защищают, другие проклинаят. Не боишься, что запретят охотиться на них? Тебя, можно сказать, волки кормят!

Алик долго и громко хохотал, потряхивая прилипшей к губе сигаретой.

- Не запретят! - просипел, затаивая и щуя глаз от едкого дыма. – И правда, как с привязи сорвались. – Кому не лень и все про волков... Наверное, понять не могут, почему барс, медведь, рысь в - Красной книге, а волк знай себе живет и множится, хоть всю жизнь вне закона.

Кончился отпуск, я вернулся в город. Прошли осень и зима. Обычно, через полтора, а то и через два месяца в мою городскую квартиру вламывался пропахший вольной жизнью Алик-волчатник, насколько умел, придавал себе городской вид, закупал продукты мешками и исчезал. При этом паспорт и договор с заготконторой старательно закалывал в кармане булавкой. Милиция вязалась к нему на каждом углу.

Возвращался он, бывало и через неделю: поникших и усталый. Нередко его привозили ко мне из медвытрезвителя. День-другой он отлеживался возле телевизора и снова исчезал на пару месяцев, уверенный, что все горожане глубоко несчастные люди.

Всякий свой приезд Алик рассказывал о волках, охота на которых давала ему добрую часть зимнего заработка. И мне стало казаться, что если понаблюдать за этим зверем, то я пойму что-то очень важное в своей жизни, начинавшей уже тогда давать сбои и трещины.

И вот как-то весной я взял напрокат мощную подзорную трубу, набил рюкзак продуктами и отправился в урочище Байсаур. Путь был не близок: день тряски в междугороднем автобусе да еще вечер в сельском. Затем ночь на поскотине села или под первыми елками, и утомительный переход от зари до зари с тяжеленным рюкзаком по горной полудороге-полутропе.

Чуть живой от усталости, я, наконец, приплелся в знакомые места. Толкнул незапертую дверь хибары, протиснулся в темный, пропахший дымом сруб, сел на нары. В сумрачной жилухе с черным от копоти потолком было прохладно и сыро. Алик лежал под грудой одеял и читал потрепанный журнал. Глянул на меня без удивления и без радости, подал вялую руку, пробормотал, извиняясь:

- Третий день лежу. Тоска напала. Видать, в город пора.

После сорокакилометрового перехода с тридцатикилограммовым рюкзаком вопросы мои были примитивны, как урчание живота после постного ужина.

- Алик, почему не купишь лошадь?

- Была! – зевнул приятель. – Волки сожрали.

- А ты бы собаку завел, чтобы сторожила! – стал я освобождаться от лямок рюкзака. Совет мой был глуп, не совет, а брюзжание: кто охотится с капканами, тому собаки помеха.

- Были собаки – волки съели! - Таежник потянулся, свесил на пол босые ноги, зевнул: - Кота третью неделю не слышу, видать, сожрали...

Тяжко, как из запоя, он выходил из состояния, которое время от времени нападает на всех таежных одиночек, сунул ноги в опорки из сношенных резиновых сапог, накинул рваную телогрейку - гость есть гость. Его надо было привечать, хотя бы поставить чай.

К моим новым домыслам о волках, впрочем, как и к новостям из города Алик отнесся с полным равнодушием. Идти со мной к волчьему логову отказался из-за острого приступа хандры. За чаем он без всякого интереса поглядывал на городские яства и вздыхал по поводу того, что я не прихватил водки. После ужина дотошно растолковал, где находится волчье логово, и снова завалился на нары.

Следующим утром, ясным и солнечным, с облегченным рюкзаком я поднялся на противоположный от волчьего логова склон. Напротив меня, через падь, был зеленый островок с пятью елями. Этот островок со всех сторон окружали старые, замшелые осыпи. Восхождение на горный склон далось не так легко, как уверял товарищ. Я даже слегка обиделся на него, что послал меня к месту наблюдения самым трудным путем. Добраться сюда можно было легче и проще, если с перевала пройти по хребту, а затем спустился вниз.

Но дело сделано: я был на склоне. Большого выбора для места стоянки у меня не было. Человеку нужна вода. На моем склоне только в одном месте лежал снег, который мог заменить ее. Странно, Алик ни слова не сказал про воду.

Первым делом я установил треногу, закрепил на ней подзорную трубу и внимательно осмотрел противоположный отрог горного хребта, где укрывалась волчья семейка. Там было много ручьев, гора положе, чем та, на которой находился я, и спуск в ущелье был проще.

Среди бела дня волки не обнаруживали себя, но мне в трубу был виден каждый камушек, просматривалась каждая ветка. Я думал, что выбрал самое удобное место для наблюдения на моем, почти отвесном склоне с сыпучими осыпями, с ошетилившимися скальными зубьями.

У иссохших корней старой лиственницы я расширил и углубил топором небольшую нишу, над ней натянул кусок полиэтилена вместо палатки, и получилось сносное убежище. Ноги, к сожалению, не умещались в нем, но на мне были резиновые сапоги. Пришлось также выкопать нишу для костра, который иначе не мог держаться на крутизне.

Я оглядывался вверх, на скальную площадку с деревьями и со стелющимся кустарником. Там было удобней разбить лагерь, но оттуда трудно было ходить за снегом. Ходить - не то слово. Я и здесь-то передвигался по склону на четвереньках или, в лучшем случае, при помощи ног и одной руки. Набив котелок снегом, возвращался, в трудных местах зажимая дужку в зубах, отчего подбородок постоянно был в саже. Ворона, нахальная и облезлая, то и дело слетала со скальной

площадки на мою иссохшую листовницу, склочно каркала пропитым тенорком, пока я не запускал в нее камнем. Тогда она снималась с места и улетала к себе, посвистывая крыльями, раздраженно побряхтывая и поругиваясь на свой птичий манер.

Наконец с устройством лагеря было покончено. Я не спеша заварил чай, приготовил ужин, при этом время от времени прикладывался к трубе. Волки не обнаружили себя даже в сумерках. Но у меня было несколько дней в запасе. Я, даже с некоторым комфортом, висел на высоте двух тысяч метров и беззаботно поглядывал вокруг. За спиной были скалы и осыпи, перед глазами - небо и склон противоположного отрога. Если я подолгу всматривался в него, начинало казаться, что склон приближается полотнищем грубо намалеванной картины, протяни руку – коснешься его. Но между нами была пропасть. Об этом то и дело напоминали камни, срывающиеся из-под ног и тренькающие где-то глубоко внизу.

По законам природы, по рассказам Алика и здешних пастухов, склон должен был жить бурной жизнью копытных и хищников: даже медведь, говорили, постоянно шляется в кустарнике повыше речки, откапывая жирных пищух. Но проходил день за днем, и всем рассказам вопреки, я ничего этого не замечал. Снова припадал к трубе: качалась на ветру сухая трава, шевелил ветвями кустарник, склон оживал, но не выдавал тайн.

Свысока, невидимый для всего живого и всевидящий благодаря подзорной трубе, я искал хотя бы какое-то движение возле того места, где должно быть логово и не находил там ничего, кроме знакомых камней и бугорков. Облезлая ворона за моей спиной то заходила от хохота, то, казалось, поливала меня отборной бранью, перелетая с камня на камень.

Из-за хребта перевалилось в ущелье тяжелое облако. Вот мимо пронесся белый ком тумана и сырости, мазнул мокрым своим боком по лицу. Черные тучи затянули верхнюю часть наблюдаемого склона. Я оторвался от трубы, взглянул на часы - обедать рано, но погода обрекала на безделье, и надо было как-то с пользой потратить это время. Подхватив котелок, я пополз к снежнику. В пути поскользнулся на сырой прошлогодней траве, метра три проехал на боку, сдирая кожу. Когда поднялся на четвереньки, ругаясь сквозь зубы, то первым делом поискал глазами сварливую ворону.

Я встал в полный рост, надежно закрепился на скальном выступе, отряхиваясь, стал прикидывать: не проще ли вскарабкаться на полсотни метров выше того места, где брал снег. Там, недалеко от снежника, начиналась узкая лента осыпи, которая змейкой спускалась вниз неподалеку от моего укрытия. С котелком в руке я мог съехать по ней

почти к своему костру. Так дальний путь оборачивался выгодой по времени и затратам сил.

Я стиснул дужку котелка зубами, стал взбираться вверх и возле самого снежника ткнулся носом в свежие следы: похоже, что собачьи. Массивные продолговатые отпечатки с когтями чуть косолапили внутрь, рядом были прогрызены аккуратные, как гнезда, ямки со следами зубов. Седоватая, серая шерстинка со шкуры прилепилась к тонкой корочке льда. Я знал, что за перевалом пасется табун. Скорей всего это был след одной из овчарок. Ну и ладно. Я поднялся чуть выше, набил котелок снегом, вырезал ножом фирновый пласт и завернул его в штормовку.

После полудня противоположный склон несколько раз открывался и снова затягивался плотным занавесом облаков и тумана. Сверху ветер нес запахи дождя, снега и тающей земли. Мне нужен был снегопад. Только он выявил бы непонятную и невидимую жизнь, указал бы точное место волчьего логова.

К вечеру по тенту затренькали редкие капли дождя. Еще засветло я завернулся в отсыревший спальник и стал ждать утра. Ночлег был трудным: я то и дело просыпался от пронизывающей стужи, сворачивался улиткой, дышал под ворот свитера и вновь засыпал. При этом сквозь сон отмечал, что, не смотря на стужу, дождь так и не перешел в снег. Хмурым ненастным утром мне удалось немного просушить вещи у костерка, но этого было мало для следующей ночевки. Надо было строить шалаш.

Я взял топор, капроновый шнур и полез по склону вверх, в сторону сухостойных лиственниц и бурелома. Дурная ворона увязалась следом, села на сук окаменевшего дерева, хрипло и тревожно раскаркалась. Я оглянулся в ее сторону и встретился взглядом с пристальными светлокариными глазами. Они разглядывали меня с каким-то странным равнодушным вниманием. Так преподаватель смотрит на студента, который вот-вот начнет отвечать. На какой-то миг я почувствовал себя таким бедолагой-студентом. Но тут же стряхнул наваждение, присмотрелся. Очертания крупной собаки едва угадывались сквозь бурелом. Открыты и незащищены были только глаза. И мне, вдруг, почудилось в них что-то откровенно не собачье.

Много раз я видел волков в зоопарке. Это были узники с блуждающим слепым взором, с не вылинявшей шерстью. Здесь все иначе: только миг мы не отрываясь смотрели друг на друга. Затем последовал неторопливый скачок в сторону. И в том движении была какая-то странность, какая-то схожесть со спутанной лошадью. Тут контуры собаки или волка отчетливей обозначились среди сухих ветвей и стволов. Сомнения стали рассеиваться.

Я шагнул следом, перескочил через валежину, нырнул под сухой ствол зависшего дерева и на открытом уже месте увидел немолодую,

потрепанную службой овчарку. Она прихрамывала на переднюю лапу и вместе с тем легко взбиралась на хребет. Ворона, каркая и шлепая мокрыми крыльями, спикировала ей на спину. Хромая собака обернулась, клацнула зубами и метнула быстрый скользящий взгляд в мою сторону.

И опять я замер, засомневавшись – да собака ли? Но в следующий миг, сплюнув от досады, швырнул в ворону суковатой палкой и стал рубить сухостой. В воздухе все гуще поблескивали снежинки, становясь пушистей и степенней. Намокшая штормовка тяжело и липко висла на плечах.

Часам к четырем после полудня повалил густой снег. Я успел соорудить тесный шалашик, и к ночи он превратился в мягкий сугроб. Выпавшего снега мне было достаточно, чтобы наконец-то вычислить волчье логово. Но он падал и падал до полуночи.

Ночь прошла уютно. Укрытый снегами, я не просыпался от холода и сырости. Но снились что-то тягостное: будто, путаясь в словах и понятиях, сдаю экзамен. А у преподавателя странные, не собачьи глаза пса, встреченного на склоне. Будто я чувствую, что не тяну даже на “удочку”, и вихляюсь всем телом, униженно и преданно заглядываю в эти строгие глаза, холуйски обожаю их, чтобы получить свое, незаслуженное. Какая мерзость! Я чуть не сплюнул себе на подбородок, выплывая и выпутываясь из обрывков сна.

Я проспал рассвет и когда выполз из шалаша, то чуть не ослеп от яркого света. Лиственница стряхнула мне на голову пригоршню мокрого снега. Я вытер лицо шапкой и уселся за трубу. Но даже невооруженным глазом видно было, что следов в районе искомого логова нет. А склон между тем жил, и снег запечатлел скрытую его жизнь. Вон потянулась цепочка следов с черными пятнами копок - это в кустарнике переждал непогоду кабан. Вон пересекли белую поляну козы...

Я вытряхнул в кипящий котелок последнюю пачку супа, остатки сухарей и начал собираться. Ворона по-хозяйски расселась на верхушке моего дерева, поглядывала вниз и каркала так скаречно, так отвратительно: было бы из чего – застрелил бы! Солнце душно палило склон. Снег таял на глазах. К полудню я выплеснул из котелка остатки мутной водицы, перебросил репшнур через комель дерева и, страхуя сам себя, шагнул вниз.

Я спустился уже веревок на десять, прежде чем присел на пологом месте. Посмотрел вверх, на пройденный путь, на одинокую лиственницу, под которой прожил почти неделю, на скальную площадку, откуда был многократно обруган дурной вороной. От нее на хребет тянулась цепочка следов. Я наспех установил трубу. Дергалось, мельтешило изображение, и солнце мешало смотреть в ту сторону. И все же, там были следы волка, собаки или рыси.

Исцарапанный, местами ободранный, часа через три я спустился на тропу у речки, сбросил рюкзак и долго пил воду обожженными снегом губами. А потом с полным животом влаги сладостно дремал, лежа на зеленеющей траве.

Алика в избе не было. Я погрыз сухарей, с удовольствием вытянулся на просторных нарах и уснул. А когда проснулся, в проеме двери стоял мой товарищ в афганке с козырьком, съехавшим к уху, с рюкзаком на сутуловатых плечах и с неизменной дубиной в руке.

После ужина мы пили чай при свете керосиновой лампы. Я рассказывал о наблюдениях. Алик внимательно слушал пока рассказ не дошел до хромой собаки. Тут он и подскочил.

- Ты куда залез, черт тебя дерит?

- ?..

- Вот правый берег, вот левый, - махнул рукой, указывая стороны ущелья.

- Вообще-то берега определяются иначе, - обиженно пролепетал я, догадываясь, что крупно обманулся со своими наблюдениями. – Добрые да грамотные люди встанут носом по течению речки: по правую руку – правый, по левую... А залез я вправо.

- Дур-рак! Это же южный склон! - Алик упал на нары и захохотал: - Ты возле самого логова сидел, шляпа! Никакого пса здесь нет и быть не может. И если ты опять чего не напутал, то логово в этом году занял сам Байсаурский Бес. Этого дьявола любой пастух знает и не пожалеет совхозной лошади за его шкуру.

Торопливо вспоминая прочитанное в книгах и журналах, я неуверенно возразил:

- Волк покинет логово, если рядом поселится человек. Скорей всего, это, все-таки, была собака.

- Какая собака без хозяина!

- Вдруг одичавшая, - неуверенно упрявился я.

- Ха! Дадут ей одичать? Сожрут, не спросят, как хозяин кликал. Здесь домашнее животное может выжить только рядом с человеком, - перестав смеяться, Алик серьезно добавил: - Волки - это волки, а Дьявол – это Байсаурский Дьявол!

Вот и лето пришло. По осторожным волчьим тропам с беспечностью скота прошли табуны лошадей и стада коров. Там, где с осени до весны строго почитались и метились границы владений нескольких стай, тупые бычки задирали хвосты и клали лепехи на дикие законы.

В охоте на волка нет сезона – его дозволено уничтожать всем желающим, в любое время, любыми средствами. Алик снимал капканы и петли, чтобы в них не угодила скотина. Я помогал ему. За день мы нахаживали километров по пятьдесят и усталые возвращались к избе -

бывшему общежитию лесорубов. Как-то в сотне метров от нее Алик указал дубиной под ноги, на взрыхленную когтями метку.

- Граница, которую определили мне волки. Прикидываются, будто ближе не подходят, - жестко ухмыльнулся, разглядывая следы. - Метят для порядка. Дисциплинированные... Пока сыты. А, бывает, подойдут к самому крыльцу и воют. С чего? Зачем? Не пойму. Может, хотят, чтобы я тоже им спел? – Алик пошоркал подметками сапог рядом с волчьими метками, посмеиваясь, обильно помочился возле них.

И снова наступил вечер. Верхушки елей качались над крышей, контуры горных вершин темнели в звездном небе. Неспешно велись разговоры о хромом волке.

Первое время нашего знакомства Алик удивлял меня своеобразным взглядом на таежную жизнь, в которой у него своя, далеко не главная роль. Его одинаково веселили воспоминания и о том, как он добивал волков в капканах и как они его, больного то простудой, то похмельем, пытались “схавать”, как ловко он обманывал волков и егерей, и как те ухитрялись провести его. В том мире, где он жил, не было ни добра, ни зла - были удачи и неудачи, и каждому своя стезя.

Дотлевала розовеющими угольками печь. Чуть слышно шумел за бревенчатой стеной ручей, ковш Большой Медведицы медленно поворачивался на небе, чтобы в бесчисленный раз опрокинуться на мрачную гряду горных вершин. Коптила лампа, и разопревший чай вязал язык.

Прежде нас с Аликом сближала привязанность к одним местам. Потом появился общий интерес - волки. И вот, наконец, хромой байсаурский Бес, трехлапый дьявол: как только не называли волка, чья шкура по байсаурским ценам во много раз превышала ее оценку заготконторой.

Алик, **позевывая**, слез с нар, подлил в кружку чая, стал вспоминать времена, когда держал хозяйство:

- Был у меня мерин, купил не дешево, хоть и сдуру, по пьянке. Умный, сильный был конь. Даже покладистый. Но Хромой сожрал его, запертого на другой половине. Сделал подкоп, а тот ни заржал, ни копытами не забил. Не иначе как загодя, когда ни меня, ни коня здесь не было. - Алик стукнул кулаком по бревенчатой стене, разделявшей барак надвое: - Ничего не пойму! У меня под боком всю ночь пиновала целая шайка, а я ничего не слышал. Вот и не верь в оборотней. Ведь спал я тогда в пол-уха. За неделю перед тем Бес задрал моего пса. Да так хитромудро, будто по плану.

В конце января волки стали шнырять поблизости от избы. Пес заходилась от лая - я уж хотел выйти с дрыном да успокоить. Вдруг притих. – Алик чему-то рассмеялся и язвительно добавил: - Навсегда! Утром выхожу - тишина. Снег - свежий, а на нем... Выходило по следам,

что Бес к псу в гости пожаловал, как к свояку. Тот сперва к стене жался. После осмелел: Хромой перед ним устроил концерт с плясками: по человеческим понятиям предложил бухнуть в благородной компании. Пес задрал хвост от радости и за ним следом в кусты. А там голодные урки, дружки Беса. Завалили пса – пискнуть не успел. Только кровь да шерсть на снегу.

Опять кончался отпуск. Но на этот раз я был сыт лазаньем по скалам и осыпям. Он лямок рюкзака кожа на плечах краснела сыпью и шелушилась. От припадания к окуляру подзорной трубы под правым глазом расплылся хронический синяк. Общая тетрадь была исписана: “Уход из логова - 19.30. Приход - проспал...” Но, по сути дела, я не узнал о волках ничего нового, хотя не раз видел их в непринужденной обстановке. И вскоре вынужден был признать, что могу наблюдать за ними весь год, но это не даст ровным счетом ничего и не имеет никакого отношения к тому, что привело меня в горы, потому что я сам не знаю, что нужно мне от этого зверя.

Мгновение пристального взгляда друг на друга дало больше, чем месяц наблюдений, десятки слышанных баек. Все чаще я вспоминал случайную встречу с Хромым и очищался от мелочного тщеславия. Уже не хотелось знать о волке то, чего не знают другие. Важней стало понять, отчего так влечет меня этот зверь. Почему горожан не устраивает милая сказка Джека Лондона «Белый Клык» и десяток известных сентиментальных поделок? Может быть виной всему мимолетная мода, раздутая пишущей братией, чтобы пощекотать нервы читателя, расстроенные тупой каждодневной работой?

С детских сказок, с молоком матери в нас вбивали: волк - враг! Так оно и есть: волк не станет другом человеку, хоть сосисками закорми. Поныне в любое время года, в любом месте страны, кроме заповедников, можно его убивать если не за вознаграждение, то ради развлечения. Видимо, необходимость в истреблении то и дело возникает, если волк десятилетия, а то и века, стоит вне закона. Справедливо это или нет - не мне, горожанину, судить. «И вообще, какое же мне дело до всего этого?» – с раздражением думал я и чувствовал себя банкротом.

Алик то посмеивался, предлагая остаться с ним на зиму, то начинал злиться: ему нужен был компаньон, трудновато в горах одному, особенно летом, когда шлялись туристы. По его мнению, не было зверей опасней и пакостней, чем турист и мышь. Я считал свой интерес к волку сугубо научным, может быть даже социально-философским, а он предлагал мне охоту на него.

У Алика была своя логика, он по-своему понимал мое замешательство, расхаживал по избе, переставляя с места на место

черные от копоти кастрюли, кружки, собираясь все вычистить и устроить банный день.

- Чтобы понять зверя, надо самому стать им! - он поддал ногой по старинному банному тазу, избитому и помятому от долгой службы. В нем таежник стирал портянки, жарил мясо и пек лепешки. Таз загрохотал, залетая под нары. Алик был в ударе.

- Набиться к волку в друзья не удастся: по фене ему, что ты что-то там хочешь про него написать. Стань врагом и соперником – вдруг, что и поймешь. Кровью брезгуешь, чистюля интеллигентская? Зря! Я, например, не опускался, чтобы брать щенков в логове, хотя платят за них как за взрослых. А нормальный волк может и тебя сожрать. Все честно! Как ты хочешь изучать его? Через трубу в глаза заглядывать? Записывать, что чувствуешь?

Алик в сердцах стал оборачивать против меня мои же откровения. Ему позарез нужен был напарник. Опять в наше отсутствие туристы обобрали избушку: забрали ножницы, точило, чай, будто в насмешку оставили взамен суповые пакеты. По их понятиям тоже все было честно.

- За волчью шкуру платят сто сорок рублей. Тебя они сожрут бесплатно. - Алик нажимал на риск и преувеличивал его, оправдывая невинно пролитую кровь. Я уже понимал, что профессиональный охотник рискует не больше, чем заурядный горожанин, прохаживаясь возле проезжей улицы. – И чего менжеваться? – ворчал он. – Будто ты кому-то нужен в своем городе... А насчет волков - все честно и справедливо. Это я тебе говорю – Алик-волчатник.

Я подумал и остался в Байсауре до весны.

Кончилось лето. Было еще тепло, но как-то незаметно пропали мухи и, брошенные пауками, запыленные сети паутины неподвижно обвисли над лесными тропами. Как-то поутру я вышел к ручью - мыльница примерзла к сухой траве, а заводь затянулась острым, как лезвие ножа, ледком вдоль берега. Потом в очередной раз выпал снег и больше не растаял. Урочище ожило невидимой прежде жизнью следов. Немного воображения, которым я не был обделен, помощь талантливого чтеца - прирожденного следопыта, и открылась великая книга, имя которой Природа.

Мчалась стая Хромого по свежему снегу, подновляя метки на границах владений, - девять хвостов вместе с входящими в силу второгодками и глупыми еще сеголетками. После сытого и вольного лета не было порядка среди волков: то разбегались они веером, то вновь выстраивались в один след. Не обольщался свежим деньком только вожак. Опыт сигналил ему из прошлой жизни смутными образами предстоящего голода, изнурительного холода, от которых одно спасение - много есть. А доставать пищу с каждым днем будет все трудней.

И все же радовался и он, чувствуя за хвостом силу молодых, как продолжение себя. По Большой поляне вожак направил след к горке серых, затянутых лишайником камней, где искони проходила граница владений его стаи. Сука-трехлетка, второй год ходившая за его хвостом, вырвалась вперед, и чуть было не встала вровень с Хромым. Он обернулся, резко затормозив тремя лапами, куснул ее за загривок. Стая сбилась в кучу. Ушлая упала на спину, задрала лапы, но оскалила клыки, в глазах не было покорности. Стая молча ждала от вожака расправы или милости. И это задобрило Хромого. Он задрал лапу, брызнул на камни. Ушлая поднялась, стряхнула снег с боков, куснула Рваную Ноздрю, чтобы не лез вперед, униженно пригнула зад к тому же камню и поставила свою метку рядом с меткой вожака.

Это окончательно задобрило Хромого. Стих хриплый рык в его горле. Рваная Ноздря подполз к нему на брюхе, облизал морду, заверяя в преданности. Он имел вид на Ушлую в предстоящих брачных играх.

Рыжий, нрава независимого, не рвался к вожаку, хотя ходил за ним четвертый год. Он всегда был в середине. Вот и теперь издали смотрел, как соперник вступает за Ушлую, греб снег лапами, хрипел от ярости, но оставался на месте.

Вожак, припадая, побежал дальше, в хвост ему пристроилась молодая волчица, затем Рваная Ноздря. Стая выровнялась в цепочку. Кривой - растяпа, подставивший барсуку глаз – сунулся, было, вперед Рыжего. Тот схватил его зубами за бок, отшвырнул. Кривой покорно упал на спину.

Второгодки, еще не забывшие матери-кормилицы, держались на почтительном расстоянии от зрелых добытчиков, но и они, пробегая, походя куснули лежавшего. Он поднялся и, догнав стаю, встал в хвост Рыжему, оттолкнув лбом юнца. После добычи волки шли в пойменный лес на дневку. Там были постоянные лежки стаи.

Было что-то таинственное и колдовское в этом причудливом, тихом пойменном лесу. На исходе лета мы с Аликом нашли под ледником околешую телку. Ветер и солнце иссушили черную кровь, выбелили кости. Туша не воняла. Мы привязали легкий труп к жердине и спустили в пойменный лес.

После простора альпийских лугов, после чистых, хвойных высокогорных колков пойменный лес, как мне показалось, очерился колючими кустарниками и буреломом. Деревья застыли от брезгливости и удивления: ни один листок не шевельнулся на ветках. Кряжистые ели, стройные, долгогривые березы, даже вечно шелестящие листвой осины - все настороженно молчали. И мне от этой молчаливой неприязни леса стало не по себе. Я оглянулся на Алика, он тоже был смущен. Бросил телку к ногам, задрал лохматую голову к вершинам деревьев:

- Волкам! – вскрикнул приглушенно, непонятно к кому обращаясь.

Будто что-то понял лес. Качнулись острые верхушки елей, замотали длинными ветвями березы, зашелестели листвой осинки. Лес ожил, потеряв интерес к нам, и мы вошли в него как в чужой, незапертый дом.

У самого берега, подмытого течением реки, склонилась к воде молоденькая березка. Алик кивнул на нее, указывая, где подвесить иссохший труп. Я поволок туда тушу по траве. Береза брезгливо затрясла вислыми ветвями. “Обидится!”- подумалось вдруг. И Алик, как-то виновато озираясь, махнул рукой, останавливая меня, шагнул в другую сторону, откуда старая береза со щербатым оскалом корней с вожделением поглядывала на жертву.

Он воткнул нож между костей. Нож, которым резал хлеб. Я скривился от брезгливости и продел в прорез веревку. Алик, мельком глянув на меня, усмехнулся, бросил нож в лужицу воды. Вдруг лицо его покривилось. Он резко обернулся. И мы увидели рядом с лужей, тоненький, беззвучно колышущийся фонтанчик родника, оскверненный поганым ножом.

Мы повесили тушу на старую березу. Алик старательно отмыл и оттер песком лезвие, не оглядываясь, пошел вон из леса. Я двинулся за ним, спиной ощущая, как деревья, тяготившиеся нами, облегченно и весело закачали ветвями.

С неделю я не давал Алику пользоваться его ножом за едой, не брал в руки хлеб, если он разрезал его. Потом неприязнь прошла и забылась. С месяц на старой березе сидело воронье, возмущалось на весь лес и пачкало принесенную тушу: высохшие пряди мяса ни оторвать, ни проглотить. Вскоре и вороны забыли о примане.

Судя по следам, волки долго обходили стороной старую березу: убитое неизвестно кем таило опасность. Но как в человеке со временем пропадает брезгливость к чужой, чужим пахнувшей одежде, если ее долго носить, так и волки к зиме привыкли к мясу, висящему на дереве. Наверное, им стало казаться, что оно висела здесь всегда, потому что тут их исконные лежки. Исчезни старая береза с тушей, я думаю, это бы очень насторожило волков.

Все это было летом и осенью. А сейчас стая Хромого переправилась вброд через обмельчавшую речку. Пахнуло в волчьи морды острым духом свежей золы: бревенчатый сруб избы виднелся среди деревьев. Хромой чаще стал метить границу: злобно скреб снег когтями, хотя и человек, который ходил без ружья, и сам вожак одинаково нагло и упрямо нарушали ее при первой необходимости.

Поляна перед лесом была покрыта ровным слоем снега - ни одного следа не было на ней. Притихли, будто вымерли, сороки и вороны. Лес казался спокойным и безопасным. И вдруг вожак резко остановился перед кустарником. Сел на куций хвост и замер, пристально рассматривая что-то перед собой. Сидел он долго, даже снег подтаял под

седалищем, а ночью схватился тонкой корочкой льда с ворсинками шерсти. Стая за его спиной послушно расселась полукругом. Терпеливо ждала.

Куст как куст. Ветки. Слабый запах полыни и чабреца, чуждый лесу, но привычный в здешних местах, а сквозь него едва веял другой – странный и опасный дух, от которого под языком вожака выступала и скапливалась кислинка. Так уже было когда-то в его жизни: запах, кислая слюна под языком, потом острая боль. Хромой осматривал ветку за веткой. Одна была не такой, как все. Опасный запах шел от нее.

Первым не выдержал сеголеток. Он еще помнил, как кусал Хромого за уши, за хвост и тот терпеливо сносил шалости. Волчонок упал на брюхо перед старшими добытчиками и пополз к вожаку, потянулся, лизнул лапу сосредоточенного волка, хотел вылезть вперед, но получил резкий тычок лбом и отлетел в сторону. Вожак не признавал родства. Рваная Ноздря куснул зарвавшегося щенка, затем - Кривой. Сеголеток отбежал по следу стаи дальше всех, и там обиженно повизгивал.

Кривой от нетерпения перебирал снег лапами. Виднелась черная туша на старой березе. Одноглазый волк помнил, что, если изловчиться и подпрыгнуть, на когтях и в зубах останутся волокна провяленного мяса. На этот раз он надеялся прыгнуть выше, ухватить крепче, чтобы вся туша стала его добычей.

Кривой опасно зашел сбоку и кинулся вперед вожака по чистому снегу. Острая боль захлестнула живот и спину, остановила его на месте. Волк захрипел, подпрыгнул, выгнулся и вцепился зубами в свое бедро. Боль не отпускала. Стая не двигалась, пока не было ничего подозрительного вокруг. И только один из них запутался в кустах.

Кривой снова скакнул вперед, прорываясь на чистый не вытоптанный снег. Поясницу сдавило так, что моча брызнула на лапы. Кривой тьякнул и начал рваться без разбора во все стороны, ломая ветки и кусты. А живот сжимало все туже.

Один за другим волки придвигались все ближе к несчастному. Рассаживались и с презрительным равнодушием смотрели на страдания собрата. Хриплый стон вырвался из пасти Кривого. Заскулив, он опять стал рваться из стороны в сторону, выкручивая «ветку», которая сдавливала все туже и туже. Шкура под ней лопнула. Брызнула кровь.

Сеголеток, тот, что всегда держался на почтительном расстоянии и падал на спину возле Кривого, выскочил из-за волчьих спин и вырвал клочок мяса с шерстью на его ляжке. За ним, рыча и швыряя снег лапами, стал неспешно и грозно придвигаться Рваная Ноздря. Кривой, забыв о боли, прыгнул на него, но споткнулся, подсеченный удавкой, и почувствовал на спине тяжесть многих тел. Волчьи клыки сомкнулись на его горле, по запаху он успел понять, что это была Ушлая.

Вскоре на утоптанном снегу остались кровавое пятно и кусок позвоночной кости. Сеголеток таскал голову Кривого с закусенным, набок языком, с такой миной, будто попало при жизни в пасть что-то горькое, как сама волчья доля. Рыжий сосредоточенно слизывал кровь со снега. Второгодок раз за разом хватал обглоданный позвоночник, тянул за собой. Кость, перехваченная стальным тросом, вырывался из его пасти. Игра с позвонком озадачивала и забавляла волчонка. Он опять хватал его, тянул в сторону, насколько позволяла петля.

Вожак лег на свое место под корнями ели. Сюда даже в непогоду не попадал снег. Рыжий вразвалочку подошел к висящей туше, рыкнул, скребнул по земле когтями, прыгнул раз и другой, зубами успел оторвать несколько просохших прядей с забахромившейся ляжки. Проглотил их, облизнулся.

Ушлая, задрав куцый хвост, тоже начала прыгать. Урчала и тявкала, срываясь с туши ни с чем. К ним подошел Рваная Ноздря. Скакнул. Его брюхо было набито мясом марала и Кривого. Он облегчился, рыкнул на Рыжего. Рыжий оскалил клыки и в упор посмотрел на соперника - это был вызов. Но Рваная Ноздря отвел глаза, засеменял к своей лежке. Драться было лень. По пути он боднул лбом подвернувшегося второгодка.

Стая утихла - все дремали на лежках, только слышно было, как беззлобно возятся два неутомимых сеголетка. Хромой размеренно дышал, уткнувшись носом в пах. Выдыхал из себя воздух. И когда часть его входила обратно через ноздри в грудь - щурился от неприятного запаха. Стая не замечала его слабости. Она не должна была ее видеть. Но с самого рассвета Хромой чувствовал сонливую тяжесть в голове. Затем к знакомому запаху собственного тела примешался этот дурной дух.

Хромой осторожно поднялся, постоял, прислушиваясь, и шагнул в сторону поляны. Ушлая тоже поднялась. Он тихо зарычал, и волчица опять легла, поджав под себя согревшиеся подушечки лап. Хромой вышел на край леса, где его никто не мог видеть, потоптался на месте, задрал хвост, прыгнул зад к земле. Долго и внимательно рассматривал, вынюхивал экскременты. Потом тщательно забросал их землей и снегом. Сделал неловкий прыжок, второй, и понесся по засыпанной снегом тропе, будто преследовал марала.

Не сбавляя шага, не отвлекаясь, Хромой пробежал расстояние, на которое у человека уходило полдня ходьбы, при том даже не обратил внимания на заверещавшего зайца, пересекшего ему путь. Затем он резко остановился. Дернулся всем телом, отпрыгнул пищу. На снегу запарило месиво из побелевшего мяса, костей и мокрой маральей шерсти. Хромой поводит носом, вынюхивая отрыжку, похватал, глотая, большие куски, остатки забросал снегом и, прижимая к груди культю

изуродованной лапы, помчался по своим следам в обратную сторону. Дурной запах ослабел, а потом и вовсе пропал. С высунутого языка струился знакомый здоровый дух. Проходила сонливая тяжесть в голове, взамен ее по телу разливалась усталость.

Тяжело дыша, со включенной шерстью, он вернулся в пойменный лес, бесшумно подошел к ели, неловко обернулся на месте, скакнув на одной передней, улегся и стал неторопливо вылизывать бока, пахнувшие тем, чем они должны пахнуть.

Алик с тяжелым рюкзаком шел из села. У волчьего следа остановился - узнал Хромого. Охотник давно мечтал поймать его, чтобы порадовать пастухов, покуражиться среди таежной братии и заработать на свободную жизнь в лесу. Но пока он только восхищался умом и дерзостью вожака. Страсть в охотнике была, но не было ненависти ни к этому волку, ни к другим. Он был привязан к здешним местам и не хотел бы жить в мире, где нет волков. А потому желал Хромому здравствовать до поры, и, попавшись в его капканы, возродиться в своем потомстве.

Местные скотоводы Алика не понимали. Они ненавидели волков лютой ненавистью, если удавалось, – убивали с мстительным наслаждением, с азартом, как чисто плотная домохозяйка уничтожает тараканов.

Алик шел вдоль размашистого следа и спрашивал себя: “Не на физзарядку же выходил Хромой?! Если отмахал в темпе километров тридцать - сорок, значит, была в том необходимость. Но какая?.. Звери - не люди: бессмысленного не делают.” Охотник внимательно разглядывал всякий неровный след, представляя себя на месте волка, стараясь думать его умишком и смотреть вокруг волчьими глазами: от отгадки и понимания вожака зависела его охотничья удача.

Но след знакомого волка выходил из пойменного леса и снова уходил туда же. Просто так... «Завтра проверю петли!» - сказал себе охотник. Он мог бы и сейчас повернуть в лес, хотя при нем не было даже дубины, но устал после перехода. А солнце уже садилось за хребет.

В декабре мороз залютовал, снег стал сухим и колючим. Все чаще в урочище слышался волчий вой. Как ни умен, как ни осторожен волк, но и он глупеет, чувствуя приближающееся время гона: то перебежит из пойменного леса на Большую поляну, нарушив им же установленную границу, то, уж совсем безрассудно, пересечет человеческий след.

Из года в год Большая поляна служила местом свадебных игр не только для стаи Хромого. Здесь то и дело пересекались тропы нескольких волчьих банд, следующих за переходами маралов. Сюда, повинаясь древнему инстинкту, вдоль русла реки поднимались в феврале полукровки и одиночки, слабые для охоты на диких животных,

обитающие возле людей и домашнего скота. Их здесь не жаловали, съедали, если были голодны. Но бывали случаи, когда оставшиеся без пары волчицы снисходили до игр и с ними.

В сумерках стая Хромого рассыпалась по поляне. Рыжий бок о бок держался возле Ушлой и она показывала свое расположение. Впрочем, с Рваной Ноздрей волчица вела себя так же, еще не избрав кобеля. Волчьи браки крепки и надежны. И тут из распадка, по которому год за годом сходили лавины, выскочила стая из урочища Асы - один к одному матерые волки. Они сбили с ног Рыжего и Рваную Ноздю. Ушлая упала на спину, извиваясь перед чужаками всем телом. Уж ей-то, с предвестием брачного запаха, можно было рассчитывать на милость кобелей. Но чужаки и носом не повели в ее сторону.

Хромой проходу чужой стаи препятствовать не стал: сбил второгодков и сеголеток в кучу, увел в старое русло заметенной реки. Асинские волки не стали связываться с байсаурскими - еды им пока хватало, нужно было догонять своих маралов, подавшихся в западную часть гор. Асинский вожак задрал лапу, брызнул на камни - пусть помнят, чья тропа проходит здесь, - швырнул из-под себя когтями снег и повел добытчиков через реку.

Хромой стерпел унижение. Но его стая распалась не вымещенной обидой. Рваная Ноздря, мимоходом потоптанный чужаками и включенный, отшвырнул подвернувшегося второгодка и даже не упал на брюхо, приблизившись к вожаку. Власть Хромого пошатнулась. Но он вынес и это, всего лишь куснув за загривок Ушлую, нагло подталкивающую его лбом в зад и, как ни в чем не бывало, повел стаю дальше.

Возле вытаявшей осыпи волки расселись полукругом - посередине вожак. Ушлая быстро пришла в себя, будто забыла об асинцах: кокетливо отскакивала в сторону, вынюхивала засохшие травинки и цветочки, выдутые из снега ветром. У Рваной Ноздри обида клокотала в горле. Он уставился на соперника, и Рыжий не отвел спокойных глаз. Полукруг подравнялся и затих, чувствуя начало поединка.

Рваная Ноздря сунул Ушлой в пах покалеченный нос, шумно втянул воздух и с мутными одурманенными глазами вышел на круг. Рыжий молча показал ему клыки. Не унижаясь перед вожаком и стаей, оглянулся на Ушлую и, пружинисто ступая, вышел вперед.

Стая не терпит инакомыслия, особой окраски, особых повадок: все инородное порождает в ней глухую злобу, если, конечно, носитель этого не вожак. В вожаке, до поры, все вызывает поклонение. Но право быть вожаком надо добыть и каждый день отстаивать. Рыжий не боролся за первенство и не унижался, раздражая всех необычным поведением, необычно ярким окрасом шерсти.

Рваная Ноздря рыл снег когтями, тьякал и хрипел, распаяя себя. С каждым мигом он все отчетливей ощущал расположение стаи и прилив сил. Рыжий же с недоумением почувствовал враждебную пустоту за спиной. Недоумение мелькнуло в его светло-карих глазах. Рваная Ноздря уловил этот миг слабости и яростно бросился в бой.

Сколько себя помнили соперники, они были равны по силам, не признавая власти одного над другим. Но на этот раз Рыжий с трудом отбил атаку. В его рыке зазвучала чуть приметная нотка отчаяния, этого хватило, чтобы вся стая бросилась на одного...

Времена были голодные. Невеста с окровавленной мордой жадно рвала и глотала плоть с ляжек бывшего женишка. Сеголеток умудрился пробраться к телу и выполз из свалки, волоча по снегу парящие кишки. Тело Рыжего с закушенным языком мотало теплой головой, до которой еще не дошла очередь на свадебном пиру...

- Прикольное дельце, - пробормотал Алик, склонившись над зализанным алым пятном. Осторожно переступил через следы и снова наклонился. - Хромой холостякует. Я уж думал, что это не бес, а бестия – волчица. Неужели вожак такой старый, что даже Ушлая не хочет прибрать его к рукам? Так не бывает. Может, все еще вдовееет? Бывает, кобели, подолгу остаются одинокими. Волчицы - никогда!

Логически все сходилось к тому, что Хромой Бес овдовел и печалился по утерянной подруге. И все же... Даже для Алика было много непонятого в байсаурском вожаке. Для меня, едва научившегося отличать следы трехлапого от других следов стаи, он и вовсе был загадкой.

Утро было солнечным и морозным. Пока я разжигал печь в зимовье, Алик ушел за водой к проруби и вернулся не скоро. В ведре позвякивали ледышки, редкую курчавую бородку приятеля и стрелки усов обметал иней.

- Хромой в нашу падь марала загнал, - сказал весело, сбивая снег с резиновых сапог. - Возле полыньи перешли речку два раза – видать, по кругу гоняют. Хочешь посмотреть?

Я не стал завтракать. Одежда потеплей, натянул маскхалат, повесил на шею бинокль, сунул за пазуху остывшую лепешку с салом. Предстояло подняться на северный склон хребта, тот самый, на котором когда-то по ошибке искал логово. Снег в лесу был глубок. Над ним, зализанные ветрами сугробы схватились настом, который с хрустом ломался под ногами. Если волкам удастся загнать в такой снег добычу - она достанется им без особого труда. Но маралы ушли на южные малоснежные склоны.

Я спрятался под деревом, выбрав место для обзора, вытащил сверток и стал жевать лепешку с салом. Движения на склоне не было. Я

приложил к глазам бинокль - след погони просматривался отчетливо. Ждать пришлось недолго: едва я проглотил завтрак - марал выскочил на поляну. Похоже, он был ранен: его движения были то судорожно резки, то вялы, язык вываливался изо рта, даже в бинокль было видно, как ходили ходуном бока.

Марал шарахался от кустов и одиноких деревьев. Из-под корней одного из них выскочили два волка. Но он, высоко вскинув ветвистые, чудом не сброшенные еще рога, ушел вправо и вверх. В несколько прыжков рогач оставил волков далеко позади себя. А те упрямыми, серыми, стелющимися по склону лентами, мчались по следу.

Вскоре на поляну выскочил Хромой с двумя сеголетками. Его-то я узнал. Он лег под другое дерево и занял боевой номер. Я мог разглядеть в двадцати пятикратный бинокль даже морду. Волк был измотан. Язык висел, голова лежала на лапах.

Сеголетки побежали следом за двумя волками. Вскоре на поляну выскочили три второгодка. Хромой поднялся и заковылял вверх по распадку, уступая боевой пост молодежи. А может быть, волк решил перекрыть один из вероятных путей марала.

Я знал местность и представлял тот замкнутый круг, по которому гоняли рогача. Выше поляны была седловина перевала, но за ним такой же заснеженный, как вокруг меня, северный склон. Стае не удалось загнать туда марала: он упрямо ходил по вытаявшему и выдутому хребту. Выше перевала - скалы. Единственный шанс вырваться – это перейти реку. Видимо там и ждала марала засада с задачей направить его на прежний путь. Попав в этот замкнутый круг, рогач был обречен.

Второгодки залегли под елью, где прежде отдыхал вожак. Марал вскоре снова вышел на поляну. Дела его были совсем плохи. Он долго стоял, покачиваясь, прислушиваясь, стараясь угадать, где засада. Но погоня настигала. Наверное, он услышал преследователей. Скакнул раз, другой к центру поляны, снова настороженно остановился. И тут из-под ели выскочили трое, помчались вниз, расходясь трехпалым следом.

Марал не запаниковал и не растерялся: как две кривые сабли выставил ветвистые рога, буграми напряг мускулы под шкурой. Второгодок, что напал по прямой, успел остановиться, едва не коснувшись кинжальных лезвий. Марал резко метнул рога вправо, и один из нападавший кубарем покатился по склону. Но от удара обломился не скинутый вовремя рог.

Тот, что шел по прямой, как боксер, дернул головой на мощной шее вправо-влево, увернулся от следующего удара и бросился быку под ноги. Другой волк, воспользовавшись мгновением замешательства, сбоку вцепился в живот. Марал еще отбивался, но на снегу, как чернила на промокашке, расплывалось красно-черное пятно.

Снизу выскочила погоня - два матерых. Сверху, из распадка, не спеша спускался Хромой. Неудачник-второгодок еще корчился на склоне. На него никто не обращал внимания.

Еды было много. Стая насытилась и залегла возле туши. Через пару дней я поднялся на прежнее место наблюдения: остатки мяса были уже подобраны. Заодно исчез неудачник, так и не сдавший экзамен на зрелого добытчика.

Мне хотелось верить, что хромому вожаку еще далеко до дряхлости. Но по следам выходило, что он бережет силы. Ушлая все чаще и все наглее подталкивала его лбом. Это была невыносимая дерзость по отношению к вожаку. Трепку она переносила терпеливо, падала на спину. Молодая волчица входила в силу. Видимо, с каждым днем ее все больше раздражал маячивший перед носом хвост.

Стая шла на постоянные лежки в пойменный лес. И снова Хромой с дьявольским чутьем обошел все петли. Ушлая теряла терпение и всякое почтение, то и дело рвалась вперед и... Влипла: петля захлестнула ее мускулистую шею.

До полудня, молча, волчица грызла трос, кустарник, кору ели, за которую была закреплена петля. Крутила и выворачивала стальные пряди, а они все туже стягивали горло. Мощные шейные мышцы спасали волчицу от удушья. Ушлая хрипло дышала.

Давно ушла на лежки стая, бросив ее наедине с кустом, который под корень был выломан, но не отпускал. Дольше всех сидел поблизости Рваная Ноздря. Опасливо, с нескольких сторон подходил к волчице метра на три-четыре и возвращался на прежнее место. Но и он устал ждать. Виновато опустив лобастую голову, ушел на лежку один.

Ушлой повезло больше, чем Хромому, когда-то заплатившему за знание коварного запаха лапой. Но прежде удачу пришлось выстрадать. В тот миг, когда хриплый жалобный стон вырвался из ее глотки и был услышан стаяй, между шеей и петлей влез прочный сук, прижав голову волчицы к земле, перемешанной со снегом. Горький мох и мелкие камни набились под язык, захрустели на зубах. Ушлая рванулась всем телом, вырвав из земли сук, и петля ослабла. Волчица упала на спину в середину вытоптанного круга, стала выцарапывать когтями сук. Петля ослабла сильнее, уже не мешала дыханию.

Ушлая вновь закрутилась, выворачивая пряди троса, петля снова сжала горло, и вдруг волчица оказалась за пределами черной взрытой земли, на чистом, чуть запятнанном следами снегом. Она сделала осторожный шаг, другой, отходя от коварного куста. Тот не удерживал ее, хотя горло было хлестко передавлено.

Ушлая сделала огромный скачок, упала на спину и стала выцарапывать петлю с шеи. Петля опять ослабла. Волчица пулей

пронеслась по поляне, далеко обходя кусты. Снег веером летел из-под лап.

Вскоре она вернулась на лежки. Раз, другой, третий прыгнула, вгрызаясь в висящую тушу. Куснула за загривок Рваную Ноздрю и заняла лежку рядом с ним. Волк принял трепку как должную, поднял голову, облизывая подруге морду. Дремала стая, переваривая съеденное мясо.

Охотник без ружья шел вдоль волчьего следа. В руках у него была увесистая дубинка. Он пересек поляну и остановился перед лесом, поглядывая на могучие ели с проседью снега в косматых лапах хвой, на черные пряди тонких ветвей, гривой свисающие с берез, на поникший колючий кустарник между ними. Туда, уверенной тропой хозяина, уходил след стаи.

Охотник вынул нож из-за пояса, сунул его за голенище и вошел в лес, как тать в чужой, неприбранный после пира дом. Он увидел взрытую, вытопанную землю, погрызенные ветки. Шаги его стали осторожней - зверь мог спрятаться и затаиться. Но висящий на комле обрывок стального троса безмолвно рассказал и о роковой волчьей ошибке, об отчаянии, и о счастье освобождения. Аккуратные вытаявшие лежки еще хранили дикий дух.

«Надо было возле петли поставить капкан» - подумал охотник. Но досада на промысловую промашку быстро прошла. Он улыбнулся, сопереживая счастье освобождения, все то, о чем говорили следы. Прошло отчуждение, которое пролегло между ним и лесом, когда входил звериным следом. Ухнул, соскользнув с лап ели, снежный ком, застрекотала сорока, застучал дятел. Лес жил своей обыденной жизнью, не обращая внимания на человека, или принимая его за своего. Осмотрев и поправив другие петли, он ушел, оставляя глубокие, большие отпечатки следа.

Зимушка-зима. Белые шапочки инея на шляпках гвоздей в двери. Морозное марево над хребтом, из-за которого едва ли не к полудню выползало тусклое солнце. Студеными ночами ясное небо нависало над крышей зимовья, столб дыма из трубы туманил острый блеск звезд. У сытой, полной луны мерцавшими лопухами светились уши, предвещающая холода.

Приближалось зимнее солнцестояние. На Алика опять напала хандра. Он испортил последнюю пачку чая, заварив в кружке чифир. Ненадолго повеселел и прибодрился, стал рассказывать несуразные стихи о реке времени, впадающей в бездонное небесное озеро, о том, что течение ее, спустившись в мрачные глубины, готовилось повернуть вверх, к теплу и свету. Не в рифму, но с пафосом таежник жаловался, что водоворот времени и мрачная глубина небесного озера, хуже похмелья не дают спать по ночам.

Ему нужен был пьяный и глупый разговор, восторженные слушатели. Меньше всего для этой роли подходил я со своим прагматизмом и образованием. Вместо понимания получив мое брюзжание по поводу испорченного чая, Алик засобирался в ближайшее село за продуктами. Напоследок он хмуро и дотошно дал мне наставления, как и сколько дней ждать его, какие капканы и когда проверять.

День, может быть и другой, мне без него было даже лучше. Потом, вдруг, навалилась беспричинная тоска: каждый прожитый час казался бессмысленно потерянным, прошлое – пошлым, а будущее безрадостным. Снились какие-то кошмары без смысла и содержания с одним только чувством. От этих снов, от мутных рассветов и сумеречных вечеров каменной глыбой сдавило грудь что-то беспросветно мрачное и безысходно скорбное. Чая в зимовье не было, выбор продуктов был невелик: мясо, жир и мука. Я подпер дверь поленом и поплелся по заметенному следу товарища в село.

Нашел я Алика в грязной бичевской лачуге на окраине. Полдюжата спитых бедолаг, околевающими тараканами ползали возле четырехведерного бидона с сивухой. Сморд в избенке стоял – хоть респиратор надевай. Я купил в магазине все, что было нужно, кроме водки, которую без талона тогда не давали, и вернулся в лачугу.

Пирующие к тому времени оживились. В доме было шумно. Громче всех веселился Алик-волчатник. Он тарабанил пальцами по рассохшейся коробке гитары и кричал о небесном озере, куда впадает река времени перед тем, как повернуть вспять. Рассказывал стихи без размера и рифмы, но с крученой заумью. Его слушали с пьяным восторгом, с тупым и немощным восхищением. Алик был доволен.

Знакомых у меня в селе не было. Ночевать было негде. Пришлось выпить пару ковшей бурды. Ненадолго отпустила усталость дня и тоска солнцестояния. Грязь избы и пошлость крикливых бесед, где все говорят и никто никого не слушает, перестали раздражать.

Я проснулся за печкой, продрогший и больной. Сивушный дух сочился из озябшего тела и заскорузлого белья. Появилось сильное желание – поскорей убраться в Байсаур, нагреть воды и основательно помыться. Пить на посошок я отказался и стал звать Алика. Но он не отгулялся, был вполне доволен и жизнью, и компанией.

С похмельной головой, с тяжелым рюкзаком на плечах я отправился в обратный путь один.

А сытая стая, после удачного загона, вновь возвращалась на лежки в пойменный лес. Ушлая с обрывком петли на шее шла следом за вожаком. Запах железа злил Хромого. Он то и дело гнал волчицу от себя. Она падала на спину, показывая клыки, но стоило вожаку отвернуться – снова пристраивалась в хвост.

Наконец Хромой привык к запаху металла и перестал его замечать. Злил лишь колючий измочаленный кусок троса на шее волчицы. У самых лежек вожак нырнул в просвет между молодыми елями - не раз, не два ходил здесь прежде, а тут живот захлестнула петля. Хромой от неожиданности подскочил на месте и куснул клыками шерсть на боку. Зубы клацнули по металлу. Вкус был тот же, когда в капкане застряла лапа.

Вспомнилось, как не поддавалось железо зубам, а лапа мерзла и уже не чувствовала боли. Ненависть к капкану обернулась ненавистью к лапе, которая в нем защемила. И Хромой, тогда еще здоровый молодой волк, запустил клыки в свою плоть. А потом, слизывая свою кровь, мотал головой с темнеющими глазами и уходил, поджав к груди белую кость сустава.

Но прежний жизненный опыт, не мог подсказать, что делать, если в металле живот. Хромой не дергался, не выкручивал петлю. Как прежде перед очередной западней, сидел и напрягал память, вызывая образы прежних зим, запахов и вкуса железа.

Стая не двигалась. Волки расселись полукругом и с недоумением поглядывали на вожака. Сеголеток подполз на брюхе и облизал ему морду. Хромой оттолкнул щенка и начал тихонько подергивать трос из стороны в сторону. Но Ушлая все поняла и, злорадствуя, не мигая смотрела вожаку в глаза. Это был вызов.

В горле у Хромого заклокотало, он бросился на волчицу и, подсеченный петлей, упал к ее лапам. Ушлая не дрогнула, не попыталась увернуться от нападения, торжествуя смотрела на барахтавшегося в снегу калеку, и уже не вожака. Затем она неторопливо задрала лапу, чего никогда не позволяла себе рядом с Бесом, и брызнула ему мочой в морду. К ней подскочил Рваная Ноздря и тоже задрал лапу.

Бывший вожак пытался к елке, за которую была закреплена петля, и уже не бросался на сородичей, большинство из которых были его потомством. Последними подскочили сеголетки, играючи обрызгали предка и убежали следом за Ушлой.

Но долго отдыхать стае не пришлось. Волки слышали отдаленные шаги, сипение, потом тяжелое, неровное дыхание. Засмердило человеком. И смрад этот приближался. Волчица поднялась, отрывисто тьякнула. Стая окружила ее, ожидая приказа.

Я еле передвигал ноги от усталости, помогая себе, как посошком, тяжелой и крепкой дубинкой Алика. Он сам вручил ее мне в путь: боялся, что в пьяном запале кто-нибудь порубит ее на дрова.

Еще час назад мне хотелось развести костер и заночевать под открытым небом. Но, отдохнув, я понял, что подготовка к ночлегу отнимет больше сил и времени, чем путь к зимовью. Главное было

сделано - я успел засветло добраться до Байсаура. До дома и до печки, набитой сухими дровами, оставалось совсем немного, но тусклое солнце, промасленным подгоревшим блином соскальзывало с седого, холодного неба и уже касалось западного хребта. Окровавленными зубами пламенели на нем скалы, похожие на раскрытую волчью пасть.

Вечерело, и не было сил. Я не хотел входить в пойменный лес, но издали увидел сбитый снег и переплетение следов у двух елей, где недавно с большими предосторожностями Алик поставил петлю. Я бросил в снег рюкзак, дрожащей рукой сунул нож за голенище сапога и, проваливаясь до колен, поплелся к ней.

Волк затаился, и я долго не мог увидеть его. Но при том всем телом чувствовал на себе звериный взгляд. Знал наверняка – сидит живой. Стал боязливо обходить стороной ель и взрытую, мерзлую землю. Наконец наши взгляды встретились. Он встал, не сводя с меня глаз. И по тому неловкому движению, с каким волк поднялся и прижал к груди покалеченную лапу, я узнал его. В волчьих глазах не было ни страха, ни ненависти, ни страсти. Как отблеск зарницы мигнула во взгляде затаенная усталость и в тот же миг была скрыта.

Меня же, при виде зверя, обуяли страсти, хотя во всей этой истории с хромым волком я был человеком случайным и сторонним. От тщеславной мысли, что все в округе: лесники, пастухи и бичи узнают, кому выпало счастье убить Байсаурского Беса - захватывало дух. Я забыл про усталость, по-собачьи громко, восторженно и трусливо заверещал волчьим глазам:

- Прости, дружище! Так уж выпало... Не бойся, я убью тебя без боли!

Хромой не боялся. Еще мгновение мы пристально смотрели в глаза друг другу. И я с завистью подумал, что если мне выпадет судьба стоять перед убийцей связанным и бессильным как этот волк - хотелось бы так же достойно смотреть на палача.

Любой хищник чувствует силу и слабость противника. Казалось, я физически ощущал мысли зверя. На этот раз он знал, что пришел черед быть съеденным и тем заплатить за все, что съел сам. В нем не было страха расплаты, но не было и смирения. Не издав ни звука, Хромой показал желтые стертые клыки, отступил спиной к комлю ели, нащупывая опору для лап, и приготовился к прыжку.

Я тоже стал хитер и коварен как зверь: сломил тонкую длинную ветку, ткнул ею в волчью морду с левой руки. Волк резко дернулся влево и с хрустом перекусил ветку, подставив под удар переносицу. Я ударил его дубиной в правой руке. Удар вышел сильный, но торопливый и не точный. Из глазницы кровавым яблоком вывалился глаз и повис на жилке. Любая собака завывала бы от боли. Зверь даже не дрогнул, ни на мгновение не растерялся и, забыв про петлю, бросился на меня, но был резко остановлен тросом.

Второй удар был смертельным. Хромой упал, вытягиваясь в конвульсиях, захлебываясь собственной кровью. Волчья душа без сожаления о земной ссылке покидала недобрый к ней мир.

Я сел на безопасном расстоянии и дрожащими руками раскурил сигарету. Поглядывая на вытянувшегося волка, бросил в него ветку - тот не пошевелился, бросил снежок - зверь остался недвижим. Я опасливо приблизился в рискованную зону петли, сунул волку в пасть дубину - он был мертв. Я перевернул зверя на спину, подтягивая к дереву, за которое была зацеплена петля и, ошеломленный, присел на снег: Хромой Байсаурский Бес был старой волчицей.

Алик порой склонялся к такой отгадке, но его то и дело сбивало с толка, что вожак одинок. Ведь волчица не вдовееет, оставаясь верной женскому предназначению. И только едва ли не до половины стертые клыки поведали о том, почему волчице не нужна была пара: байсаурская бестия была стара для продления рода.

Раздумывать было некогда, солнце, мигнув последним лучиком, скатилось за пылающий хребет. Ободрать волка в лесу, при свете костра я боялся. Но скорей сам согласился бы быть ободранным, чем уступил бы свою добычу стае. «Мое!» – сипло прохрипел, оглядываясь на темнеющий лес, сжимая черенок дубины в руках.

Темнело. По звериным понятиям слепому, глухому, лишенному обоняния человеку оставалось полагаться только на ум и еще на нечто, непонятное ни зверю, ни горожанину. И это нечто вдруг пробудилось во мне, заглушая страх и рассудок. Лес принадлежал волкам, и это было справедливо. Я чувствовал на себе их жгучие взгляды, шарахался от мрачнющих кустов и просил у леса заступничества. Мне нужно было выбраться на поляну, там стоя, по крайней мере, не сможет напасть неожиданно. А в лесу с каждой минутой становилось все темней.

Я взвалил на себя волчицу. Вдыхая едкий запах псины и свежей крови, побрел, проваливаясь в снег на усталых, подгибавшихся ногах. Кряхтел от натуги и что-то бормотал, напоминая мрачному лесу, как бережно относился к нему. Обещал впредь вычистить весь сушняк с лишаями. Я готов был наобещать больше, лишь бы выбраться на тропу, сохранив ношу.

Стая не нападала, но была где-то рядом. Волей своей, глазами вынуждала бросить добычу. Я чувствовал ее жаркий звериный дух и соглашался, что это справедливо: волчицу-мать должны съесть байсаурские волки. Но она была добычей.

Хромая бестия висла на моих плечах и при каждом шаге колотила в спину болтавшейся головой. Ее запах притуплялся, мешаясь с кислой вонью человеческого пота. Это обнадеживало. Я уговаривал ее, убитую, не сердится и не мстить. Готов был до печенок провонять волчатинной, лишь бы своим среди своих пересечь границу.

Сознание двоилось, то я настороженно оглядывался, нащупывая леденеющими пальцами рукоять ножа, то чувствовал себя волколаком, кем, в сущности, пытался прежде стать из праздного любопытства. Это был уже не горожанин и не охотник, а хрипящий и обливающийся потом волко-человек. Отстраняясь от всего происходящего какой-то частью сознания, я с удивлением наблюдал за ним со стороны.

Капли крови стекали по его проволглой одежде, брызгали на снег. Превозмогая тяжесть, он резко и настороженно как хорек оглянулся, наклонился, подхватил алое пятно, пропитавшее заледеневшие снежинки, слизнул и проглотил его. Солоноватый, студеный комок покатился по горлу и затеплился в груди, оживая, становясь его частью и плотью. Он брался с жертвой, чтобы искупить вину и избежать расплаты, забыв, что волкам родство не помеха в кровопролитии.

Он все же пересек поляну и вышел на ленту тропы. Лес слегка отступил, но справа и слева стояли деревья, а за ними стелился студеный мрак. Добытчик прислушался, опасно зыряка во тьму. Почудилось, будто волки обошли поле и следовали где-то рядом, скрываясь за деревьями.

Задыхаясь, хрипя от натуги, он из последних сил пересек границу и ступил в свои - отведенные ему - владения. Вот показались бревенчатые стены жилья.

«Барак - мой берег – обереги!» - забормотал он, хищно озираясь, отдаваясь глубинной памяти и инстинктам. Почувствовал, что стая остановилась у предела владений, не решаясь переступить их. Глухо хохотнул засипевшим горлом.

С холодеющим телом волчицы он, наконец, ввалился в выставшее жилье. Сбросил у порога ношу, недолго полежал на нарах без мыслей, без чувств. Потом поднялся и затопил печь. Из-под порога окровавленной пустой глазницей и живым еще, блестящим глазом, следила за ним Байсаурская бестия.

Нужно было сходить за водой на ручей и поставить хотя бы чай, но он боялся. И, кажется, не ошибся. Прислушался, вытянув шею. Тявканье и неуверенный одиночный вой послышались из тьмы. Стае очень не понравилось, что тело вожака исчезло в человеческом логове. Поколебавшись, она, кажется, пересекла границу и подошла к самому крыльцу.

Едва ли не из того же места, куда скатилось солнце, на небо стала выползать полная луна. Серебрился снег, фейерверком далекого праздника искрилось небо. Начиналась таинственная ночь. Добытчик глянул за окно и почувствовал: по какой-то звездной правде все равно придется отдать волчицу стае. Он глянул на стынувшее ее тело, ухмыльнулся и решился на хитрость.

Сил не было, но ободрать ее надо было сейчас. Он подвесил тушу за задние лапы, придвинул керосиновую лампу и сделал первый надрез на шкуре. За стеной послышался печальный и вместе с тем торжественный вой. "Как пить дать - сожрут!" – без страха, как о чужом, подумал о себе добытчик. И, несмотря на усталость, вновь ощутил мрачное величие опустившейся ночи. Появись из-под нар волчья морда - он бы не удивился. Бросив под них, в черную пустоту, быстрый взгляд и пригрозил ей окровавленным ножом.

За стеной послышалось многоголосие - плач. Похоже, стая сидела возле двери и требовала справедливости. И почудилось, вдруг, добытчику будто он сидит среди волков. Полная луна желтой жирной кишкой свисает с неба. Вместе со стаей, задрав к небу мохнатую морду, и он жалуется на голод и крепнущие холода ярким звездам, таким благосклонным к неистребимому и живучему волчьему роду.

Добытчик тряхнул головой, освобождаясь от очередного наваждения, опять прислушался, и стал делать торопливые надрезы. От волчьего воя мурашки бежали по спине. "На поминки заявились?" – подумал зло и непокорно. Обернулся к окну. Окровавленными руками сбросил со стола посуду, приставил его плоскостью к косяку, подпер доской от нар. Желчно ухмыльнулся, довольный своим хитроумием. Снова принялся за шкурение.

Сырая, тяжелая шкура мягкой грудой меха и кожи упала к ногам. Он торопливо завернул ее в мешковину и сунул за печь, в тайник. Жалко обнаженная старуха-волчица скалила стертые клыки и тарасила единственный, гаснущий, глаз. С ее ободранного разбитого носа все еще сочилась кровь. В очередном многоголосье добытчик различил жесткую угрозу.

«Сейчас, отдам!» – просипел злорадно. Изба переполнилась волчьим духом, будто десяток мокрых псов, обильно политых уксусом, забились под нары. Нечем было обмыть окровавленные руки. Он сбросил с себя еще не старую рубаху, вытер ею лезвие ножа, ладони, швырнул кровавый ком в печь. Рубаха схватилась пламенем и распалась серым пеплом. Он зачем-то вынул из топки пылающую головню, изба стала наполняться едким дымом, но воздух очищался от смрада и запаха крови. Добытчик трижды обмахнул пылавшей хворостиной вокруг обнаженного торса, почувствовал себя чище, бросил чадающую головешку в печь.

Предстояло самое главное и опасное, чего не сделать он уже не мог. Зажав в зубах лезвие ножа с привкусом волчьей крови, добытчик поднял ошкуренную волчицу, толкнул дверь ногой и шагнул в темень. Он ждал нападения и подставлял клыкам спину, тушей прикрыв уязвимый живот. Но нападения не последовало, а голоса во тьме настороженно умолкли.

И тогда, мотнувшись всем телом, он швырнул ободранную волчицу в черную ночь.

В тот же миг перескочил порог и запер дверь. Припал к ней ухом. За стеной почудилась возня. Дело было сделано. Добытчик без сил упал на нары. Зычным бубном билось в груди усталое сердце. Хотелось пить и есть, но сил уже не было. Горло было сухим и шершавым. И он уснул, ощущая во сне, как река Времени хлынула из глубин бездонного озера к теплу и свету.

Я проснулся с чувством сильной жажды и нечистоты. От невымытых рук воняло кровью и псиной. Какой-то глупый и беззаботный утренний сон ускользнул вместе с пробуждением. Я посмотрел в черный потолок, с удивлением стал вспоминать вчерашний вечер, с трудом отделяя подлинное от надуманного и причудившегося.

Утро было морозным и солнечным. Я сунул ноги в сырые сапоги, накинул на плечи телогрейку, взял с выставшей печки пустое ведро и вышел за водой. Неподалеку от крыльца на снегу темнела промерзшая туша Байсаурской Бести. Потревожено замахав крыльями, с нее слетели три вороны.

Судя по следам, волки подходили к зимовью, но не так близко как казалось ночью. Стаю увела трехлетка Ушлая, с обрывком разорванной петли на шее: по людским понятиям - дочь или внучка бывшей атаманши. В хвосте у нее шел Рваная Ноздря. И опять на прежнем месте была отчетливо помечена граница владений. Хотелось понимать эти знаки как наше с волками примирение: мол, последний раз согрешили и ты, и мы, а теперь: по ту сторону - твое, по эту - наше. Был искус поверить в добрую сказку. Но поздно: того, что я успел узнать о волках было многовато для этакой глупости.

Вороны далеко не улетели, расселись на деревья у зимовья и терпеливо ждали пира. Я то и дело выходил из дома по делам, попугивая их. А к вечеру вернулся Алик. Он принес полрюкзак мерзлой картошки и пару булок заводского хлеба. Бросил мешок у порога, склонился над поклеванной тушей, пошевелил носком сапога оскаленную морду, присел на корточки.

- Ну и как? – спросил насмешливо, доставая из кармана пачку сигарет.

- Нормально! – ответил я, догадываясь, что он осмотрел следы и все знает.

- Круто мы с тобой лопухнулись, перепутав бабу с кобелем.

Я пожал плечами: собственно, для меня это было не важно.

- Ну, а вообще-то, как пережил солнцестояние? – метнул на меня пытливый недоверчивый взгляд и снова сосредоточился на кончике тлеющей сигареты. Пальцы его чуть подрагивали после запоя и перехода. – Вот ведь, еще и полнолуние!

- Нормально! – ответил я как можно равнодушной.

Алик недовольно хмыкнул, язвительно ухмыльнулся.

- В одиночку убил дубиной знаменитого Беса, приволок в зимовье – а в нем полцентнера... Ободрал. И так уж ничего?

- А чего? – я снова пожал плечами, изображая на лице непонимание: - Старую, дряхлую суку, к тому же привязанную, добил, принес и ободрал. Было дело, слегка труханул: показалось, что стая идет следом.

Алик негромко рассмеялся. Отчасти был удовлетворен и этим признанием.

- Что они, дураки, чтобы за тобой идти? Мужик здоровенный, при дубине... Вот если бы ногу сломал или пьяный на карачках по снегу бы полз, - он прокашлялся, резко оборвав поучение, взглянул на меня удивленно, даже с некоторым почтением: – Нервы у тебя – веревки!

- Обижаешь, Алик! – принужденно зевнул я. - Давно из чайников вырос.

- Так-то оно так, но все равно... Даже у меня в эти дни такие приколы и глюки бывают – стыдно рассказать. А тут, первый раз волка убил, да еще какого и ничего... Врешь, конечно, - вздохнул с пониманием. – Но все равно молодец. Я тебе за него сотню дам. Лады?

- Мы договаривались пополам, а это семьдесят рублей!

Он снова метнул на меня пристальный испытующий взгляд.

- Егерь мне мелкашку обещал за его шкуру, - кивнул на тушу. – Нам-то с тобой что? Пусть себе начальству голову морочит, будто убил Беса?

- Пусть! – согласился я.

Алик опять взглянул на меня с горечью и подозрением. Он явно был чем-то расстроен. Раздраженно растер ногой окурки, встал, подхватил рюкзак и вошел в теплое натопленное зимовье. Вороны на деревьях притихли и приготовились к пиру.

Прошла зима. Какая-то парочка заняла логово Байсаурской бестии. Я не полез на склон с подзорной трубой. Зачем?. Алик прав - чтобы понять волка надо быть зверем. Да и к чему мне это понимание? Дети с предвкушением чуда заглядывают в колодец, надеются увидеть звезды днем, а видят далекое и смутное свое отражение, мы - озираемся на все обыденное, но малопонятное – ищем земные ответы на вопросы, которыми наука не занимается.

Я вынес и выварил череп старой волчицы. Он стоит в моей городской квартире на полке шкафа. Нижняя челюсть мощна и округла, между коренными малярами и клыками нет зубов. Они выпали при жизни. Я хожу по комнате, поскрипывают половицы, качается череп на полке, кивает и смотрит на меня пустыми глазницами, но я чувствую спокойный и испытующий взгляд уже не волчицы, а своей бабушки, бывшей русской крестьянки, христианки и язычницы.

Уж она-то испила до дна горькой доли своего лихого времени и претерпела его. Погибли и умерли все дети, рожденные до германской войны, в гражданскую отца повесили, старшую дочь запероли шомполами. Уже под сорок дождалась мужа после войн и революций, успела родить еще троих, последних, овдовела во времена перегибов, побиралась, воровала, в ногах валялась, рискуя каждодневно собой, а значит детьми. Не ждала снисхождения от времени, не полагалась на власть, которая не щадила. Только на себя надеялась, на силу небесную, которую понять трудно, да на исконный народный здравый смысл: на все то, против чего так яростно ополчился беспутный двадцатый век.

И Бог помог: выкормила всех троих и в войну не потеряла никого из детей. Внуки появились. Вырастила и их. А когда по тону врача поняла приговор - только вздохнула с облегчением: «Вот и все!» Наверное, обратилась мысленно к мельчающему потомству: кому нести родовой крест? Некому было передать, что знала. И умерла в больничном блоке, на стерильной казенной койке, без покаяния и причастия, почти в чужой стране, среди нового и непонятного народа, но с верой, что кто-то все продолжит и понесет.

Это так не походит на боязливое смирение с судьбой, а с возрастом все отчетливей представляется служением высшей силе и далеким целям у народа, среди которого даже дряхлые старухи – непреклонные ратоборцы.

Не о том ли кивает мне череп Байсаурской бестии? Не потому ли так хочется под пристальным безмолвием пустых глазниц от первой до последней капли принять то, что было, и без сомнений войти в то, что будет, повторяя про себя, как языческое заклинание: моя семья, моя земля и мой народ?

1988г.